

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
КОГНИТИВНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ
И СЕМАСИОЛОГИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

г. Чебоксары
2011

УДК 81'1(082)

ББК 81.032я43

А 437

Актуальные вопросы когнитивной лингвистики и семасиологии : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – 226 с.

Печатается по решению ученого совета ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева»

Ответственные редакторы:

канд. филол. наук, доцент *Н. В. Кормилина*,

канд. филол. наук, доцент *Н. Ю. Шугаева*

Сборник научных статей «Актуальные вопросы когнитивной лингвистики и семасиологии» является одним из пяти сборников, изданных по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы языковой динамики и лингводидактики в когнитивном аспекте», посвященной 60-летию факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

В сборник вошли статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений Российской Федерации, США, Республик Беларусь, Казахстана, Украины.

Данный сборник охватывает широкий спектр проблем современной когнитологии и семантики. Сборник может быть рекомендован преподавателям иностранных языков, студентам старших курсов факультетов иностранных языков, всем, кто интересуется проблемами современной лингвистики.

© ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», 2011

able (все предшествующие прилагательные переводятся как 'приемлемый'), *advisable, excusable, pardonable, suitable*. Все прилагательные данной группы образованы по продуктивной модели и не представляют трудности в плане истолкования семантики производящей основы, которая во всех случаях является глагольной. Пассивный оттенок значения отсутствует лишь у одного прилагательного из списка – *suitable* 'годный'.

Проведенный анализ прилагательных с суффиксом *-able* (*-ible, -uble*) наглядно показывает высокую степень продуктивности суффикса *-able* и очень ограниченную сферу употребления его аналогов *-ible* и *-uble*. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что практически любой современный английский глагол способен образовать прилагательное с суффиксом *-able* и оно будет понятно любому говорящему на английском языке. В качестве подтверждения данного тезиса немного схулиганим и приведем два прилагательных, представленных в словаре – *fuckable* и *beddable* 'соблазнительный, сексуально привлекательный; доступный', которые, несомненно, являются достаточно недавними образованиями, понятными любому носителю языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Т. М.* Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке / Т. М. Беляева. – М. : Высшая школа, 1979. – 184 с.
2. *Зятковская, Р. Г.* Суффиксальная система современного английского языка / Р. Г. Зятковская. – М. : Высшая школа, 1971. – 188 с.
3. *Карацук, П. М.* Словообразование английского языка : учеб пособие / П. М. Карацук. – М. : Высшая школа, 1977. – 303 с.
4. *Мешков, О. Д.* Словообразование английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1976. – 248 с.

Широглазова Н. С. (г. Ижевск, Россия)

УСТОЙЧИВОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Современные лингвистические исследования несут, как отмечается во многих работах, ярко выраженный междисциплинарный характер, что вызвано необходимостью выхода за пределы собственно языковых знаний и обращения к знаниям энциклопедического характера. Исследования такого рода позволяют обнаружить закономерную взаимосвязь когнитивной семантики и культуры, которая проявляется «в отражении семантической структурой языковой единицы ...наивной картины мира, которая, в свою очередь, определена культурой и ментальностью эпохи» [2, 17].

Компаративное пространство языка также достаточно активно исследуется в настоящее время на междисциплинарном уровне, что обуслов-

лено важной ролью, которую мыслительная операция сравнения играет в процессе восприятия человеком предметов и явлений окружающего его мира: выявляются различные характеристики предметов, классифицируются, упорядочиваются и оцениваются устройство мира как единого целого. Известно, что поле компаративности группируется вокруг семантической категории сравнения, которое как объект лингвистического анализа не может рассматриваться вне связи с категориями мышления. Его называют «первым шагом в познании мира», который опирается на выявление сходств и различий между объектами действительности, идентификацию и категориальную детерминацию этих объектов.

Согласно О. А. Корнилову, одна из основных функций любого национального языка заключается в фиксации и хранении «всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе» [4, 4]. Устойчивые (общераспространенные) сравнения (в отличие от идиолектных, диалектных и авторских сравнений) составляют один из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц, которым свойственна высокая степень структурно-семантического консерватизма. Исследователи неоднократно отмечали тот факт, что благодаря своему стабильному характеру устойчивые сравнения позволяют передавать культурную информацию от поколения к поколению, обеспечивая преемственность национальных представлений. По мнению Е. Е. Королевой, сравнение является той формой, посредством которой способны отражаться в языке и национальные стереотипы мышления, и индивидуальный взгляд человека на окружающий мир [5, 155–156]. Особенно ярко ценностная картина мира проявляется в сравнениях, субъектом которых является человек, и которые сконцентрированы вокруг характеристики его внешности, темперамента и подвижности, ощущений и состояний, поведения [3].

Познание, как известно, осуществляется в процессе многообразных по форме контактов человека с миром посредством предметно-практической деятельности, бытового взаимодействия, актов познания, созерцания и творчества. Миропонимание не замыкается исключительно на логическом мышлении, включая в себя эмоциональные и этические функции сознания. В результате, языковая картина мира лишь частично отражает реально существующий мир. Большая ее часть отражает мир категорий, порожденных человеческим сознанием [4, 64; 6, 118]. Фразеологические единицы, которые формируются в процессе познавательной деятельности, признаны «ценнейшим лингвистическим наследием, репрезентирующим культуру и менталитет народа», в которых отражаются «и физическая картина мира, и социальное измерение человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром» [2, 15–16].

О. А. Корнилов подчеркивает, что языковое познание мира произошло на этапе становления этноса и его языка, «это слепок с сознания представителей этноса в эпоху его становления» [4, 15]. К разряду наиболее древних, как правило, относят компаративные образы, отражающие мир живой и неживой природы (образы животного и растительного мира, образы, связанные с особенностями ландшафта, космическими объектами, силами природы). Это объясняется тем, что существование древнего человека было непрерывно связано с естественной средой. Первые наблюдения за природой были вызваны необходимостью приспособиться к тяжелым условиям существования, в которых выживал сильнейший вид или особь, и чья жизнь и благополучие напрямую зависели от умения взаимодействовать с окружающим миром. Человеческими чертами и человеческим разумом наделялись живые существа, обитавшие рядом с людьми: дикие и домашние животные и птицы, насекомые. Полагают, что это было связано с особенностями жизненного уклада человека: в более древнюю эпоху – с охотничьим бытом, в более позднюю – с земледелием и скотоводством, что не могло не отразиться на приоритетном почитании тех или иных представителей животного мира [10, 38–39]. Отголоски этого архаичного представления о единстве с миром животных отразились в компаративных оборотах зоологического характера.

В зоологических компаративных конструкциях антропоморфного типа человек выступает как субъект сравнения, а представитель мира живой природы – как объект. Отношения между субъектом и объектом сравнения имеют ассиметричный характер, поскольку сходство устанавливается между представителями разных классов. «Их асимметрия проявляет себя в логическом, синтаксическом и коммуникативном аспектах. Из того, что человек бывает похож своими поведенческими навыками на волка, не вытекает, что волк похож на человека» [1, 278]. То, что два объекта уподобляются друг другу, не обязательно обусловлено высокой степенью их действительного подобия. Опираясь в процессе познания мира на логические и причинно-следственные построения, а в большей степени на чувственно-образную реакцию на мир, человек выстраивает ассоциативные связи, которые образуют основу обыденного общения. Он выступает в роли интерпретатора, приписывающего сходство различным объектам [2, 18]. Все сравнения рассматриваемого типа содержат оценочный элемент, что, как признают исследователи, свойственно всем фразеологизмам: «Фразеологические единицы предназначены для выражения эмоциональных, моральных, этических реакций и в этом плане крайне близки собственно «культурным» знакам, архетипам культуры, главное свойство которых состоит в возбуждении в нас гаммы ассоциаций» [2, 16–17]. В реальности лица не может быть хитрой, это субъективная оценка, свойство, приписанное ей человеком через призму его отношения к себе и к миру. «...вердикт о сходстве выносится на основе впечатлений, и потому сходство может быть

обманчивым...» [1, 275]. С течением времени общераспространенные зоологические сравнения в силу своего частотного употребления постепенно утрачивают новизну, которая является неотъемлемой частью метафорической образности. Многие из них воспринимаются как выражения аксиоматического свойства.

Основания сравнения в устойчивых конструкциях с зоонимами образуют несколько тематических групп:

1) по внешним признакам: рус. *жирный как свинья*, удм. *сюдэм парсь кадь* (как откормленная свинья), англ. *as fat as a pig*;

2) по физическому (физиологическому) состоянию: рус. *пьян как свинья*, удм. *пуны кадь жадьыны* (устать как собака), англ. *as drunk as a skunk*;

3) по психологическому состоянию: рус. *весел как птичка*, удм. *чечег кадь ветлыны* (ходить как трясогузка «легко, беззаботно»), англ. *as gay as a lark*;

4) по подвижности: рус. *как угорелая кошка*, удм. *пыч кадь тэтчаны* (прыгать как блоха «о прытком человеке»), англ. *like a scolded cat*;

5) по характеру: рус. *угрюмый как сыч*, удм. *пуны кадь лек* (злой как собака), англ. *as gruff as a bear*;

6) по образу жизни, укладу, привычкам: рус. *есть как птичка*, удм. *таракан мында сиськыны* (есть как таракан «мало»), англ. *eat like a bird*;

7) по степени адаптации к среде: рус. *как рыба в воде*, удм. *пужкась жазег кадь интыяськыны* (устроиться как гусыня-наседка «надолго, прочно»), англ. *like a duck to water*;

8) по материальному достатку: рус. *беден как церковная мышь*, удм. *кочышлэн кадь улэме* (живу как кошка «о сытой, беспечной жизни»), англ. *as poor as a church mouse*;

9) по отношению к другим людям и миру: рус. *жить как кошка с собакой*, удм. *кочышен пуны кадь уло* (живут как кошка с собакой), англ. *to fight like cat and dog*.

Деление на тематические группы достаточно условно, так как значение сравнительного оборота может быть обусловлено речевой ситуацией. Наиболее многочисленными в русском, удмуртском и английском языках являются компаративные конструкции, обозначающие состояние, характер и поведение индивида, однако границы между этими группами достаточно подвижны.

Следует отметить, что сложно и далеко не всегда возможно установить время закрепления в языке устойчивых сравнений. Важным, на наш взгляд, является уточнение О. А. Корнилова о том, что языковая картина мира фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе первичного, навичного, донаучного познания мира [4, 15]. Однако иногда в составе устойчивых сравнений обнаруживаются ключи, представляющие собой куль-

турно-исторические маркеры эпохи. Например, одним из «самых мощных источников культурной маркированности и культурной информации в идиоматике», который присутствует в культуре и языках разных народов, считают Библию [2, 17]. Сравнения рус. *невинен как ягненок*, англ. *as innocent as a lamb*; рус. *как жертвенный ягненок*, англ. *like a lamb to the slaughter* без сомнения связаны с ягненком (ягнцем) как символом чистоты, жертвенности, невинности и кротости в христианстве.

В сравнениях может содержаться упоминание различных реалий, указывающих на разнообразные объекты мира людей: рус. *как слон в посудной лавке*, англ. *like a bull in a Chine shop*; рус. *как крысы, бегущие с тонущего корабля*, англ. *like rats deserting a sinking ship*. Некоторые сравнительные обороты совсем новые, поскольку содержат в своем составе элементы, отражающие реалии современной жизни, например в английском языке, *as awkward as a cow on roller skates, like a deer caught in the headlights*. На изменение языковой картины мира, по мнению О. А. Корнилова, «вливают не столько новые знания о мире, сколько изменяющиеся условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в ЯКМ». При этом подчеркивается, что изменяется в основном периферийная область языковой картины мира, тогда как в целом она остается стабильной системой, что соответствует ее предназначению – «сохранять и из поколения к поколению воспроизводить упрощенное, обиходное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционно сложившимися категориями» [4, 19].

По основанию сравнения более древними, по-видимому, являются компаративы, отражающие перенос признака животного на человека по внешним особенностям, так как эти признаки являются сенсорно воспринимаемыми (цвет, размер, запах и т. д.). Образ, как отмечает Н. Д. Арутюнова, ориентирован на предметный мир и воспроизводит объект в его целостности. Основным же источником образов является зрительное восприятие, которое будучи по природе комплексным, фиксирует разные стороны объекта: форму, цвет, свет, объем, положение в пространстве, пропорции [1, 315]. Анализ компаративных конструкций подтверждает эту точку зрения – большая часть их построена с опорой именно на зрительное восприятие того или иного объекта. Перенос повадок, особенностей поведения, «характера» принадлежит более сложному уровню абстракции. Следующий этап связан с отражением уклада и образа жизни человека (трудовая деятельность, общественное устройство, быт, социальный статус).

При осуществлении лингвокультурологической интерпретации устойчивых сравнений целесообразно оперировать таким понятием как стереотип-образ, выполняющим функцию эталона в национальном языковом сознании. Эталон трактуется как характерологическая образная подмена свойств человека или предмета каким-либо другим объектом, которая про-

исходит с опорой на обиходно-культурный опыт носителей некоторого языка и культуры, в результате чего эталон становится доминирующим культурным знаком [8].

Представители разных культур проявляют много общего в своей интерпретации мира, что проявляется в совпадении этнических эталонов и в структурном сходстве устойчивых компаративов их выражающих: рус. *хитрый как лиса*, удм. *Жичы кадь кескич*, англ. *as sly as a fox*; рус. *работать как лошадь*, удм. *вал кадь ужаны*, англ. *work like a horse*. Причины совпадения этнических эталонов могут заключаться в универсальных законах, по которым формируется мировоззрение и осуществляется восприятие всех людей, в заимствованиях/калькировании из языков друг друга или какого-либо общего источника (Библия). Однако гораздо чаще наблюдаются различия в объектах сравнения при сохранении эталона: рус. *скользкий как угорь*, удм. *налим кадь вольыт* (скользкий как налим «изворотливый»), англ. *as slippery as an eel*; рус. *упрямый как осел*, удм. *чигын улошо кадь* (упрямый как мерин), англ. *as stubborn as a mule*.

Далеко не все животные становятся объектами компаративных конструкций в языке, а, в основном те, что непосредственно связаны (или были долгое время связаны) с жизнью того или иного этноса. О. В. Романенко подчеркивает, что «характером устойчивости и воспроизводимости отличаются те сравнения, которые используют в качестве образов обозначения реалии повседневного окружения...» [7]. В основном в сравнительных оборотах фиксируются названия традиционных животных, как домашних, так и диких. Тем не менее в языке обнаруживаются сравнения, объектами которых являются животные, никогда (или давно) не встречавшиеся на территории проживания того или иного народа, например, рус. *напыщенный как павлин*, англ. *as proud as a peacock*; рус. *смелый (отважный) как лев*, англ. *as brave as a lion*. Причина может заключаться в процессах заимствования, языковой и культурной ассимиляции.

Известно, что национальные языковые картины мира обладают определенной спецификой, что обусловлено различными факторами формирования того или иного этноса. Вероятно, по этой причине названия некоторых животных, часто встречающиеся в устойчивых сравнениях в одном языке, могут отсутствовать в языке носителей другой культуры. В целом, следует отметить, что в английских сравнительных конструкциях мир фауны представлен более широко и разнообразно. В них встречаются такие названия животных птиц и насекомых, которые в русском и удмуртском языках вовсе не образуют устойчивых сочетаний: *as bold as a cool* (лысуха), *as crazy as a loon* (полярная гагара), *as mad as a hornet* (шершень), *as happy as a clam* (морской моллюск). В удмуртском языке встречаются такие сравнения как *кеска кадь изе* (спит как байбак), которые не свойственны ни русскому, ни английскому языкам.

Национально-культурная специфика устойчивых зоологических сравнений в плане выражения обнаруживается не только в особом грамматическом оформлении единицы, но и благодаря наличию в их составе особых культурных маркеров (рус. *сечь как сидорову козу*, англ. *to grin like a Cheshire cat*). Например, английское сравнение *fight like Kilkenny cats* – *биться не на жизнь, а на смерть* требует исторического комментария: существует легенда о войне между городами Kilkenny и Irishtown в XVII веке, которая привела к их разорению. В плане содержания национальная специфика компаративных структур проявляется в концентрации на деталях: рус. *жмуриться как кот на сметану*; удм. *жӧк съӧрын табань возьмась писэй кадь* (как кот, ждущий лепешки за столом), *гур выл ко Чыи кадь* (как кот, любящий тепло); англ. *like a cat on a hot tin roof, look like the cat swallowed the canary*.

Важную роль в формировании этнического своеобразия сравнений играют различия в культурных эталонах, возникшие в результате несовпадения ассоциативных полей. В ряде случаев один и тот же признак сравнения связан у разных народов с разными животными. Например, чувство голода в английском языке связано с образом медведя – *as hungry as a bear*, а в русском языке и удмуртском языке с образом волка – *голоден как волк, кион кадь уралтэмьн*. Кроме того медведь у носителей английского языка ассоциируется с состоянием агрессии, злобой – *as surly as a bear, be like a bear with a sore head*, в то время как в русском языке эта роль отводится собаке – *зол как собака*, а в удмуртском – волку: *кион кадь учкыны* (смотреть волком «злобно»). В свою очередь, в русском и удмуртском языке существуют такие сравнения с зоонимом «медведь» как рус. *неуклюжий будто медведь, косолатый как медведь*, удм. *гондыр сямен гембыргембыр мынэ* (идет грузно как медведь). Различия определяются особенностями стереотипов восприятия животного, сложившимися на протяжении длительной эпохи. В западной культуре медведь – символ жестокой, примитивной силы. В русском языке олицетворением свирепости, коварства, жадности и жестокости выступает волк. В ранних скотоводческих сообществах, у народов, населявших редколесные районы Европы, волк представлен в мифах, фольклоре и волшебных сказках как хищное творение природы. Огромный, ужасный волк был символом прожорливости [9]. Как показывает анализ, при сравнении человека с медведем в английском языке отражается настроение, характер субъекта, в то время как в русских и удмуртских сравнениях в основном характеризуются внешние признаки.

Существует достаточно большое количество примеров несовпадения этнических эталонов-образов. Например, в западном фольклоре в образе болтливого, по-матерински заботливого существа, несколько глуповатого, предстает гусь, отсюда выражение в английском языке – *as silly as a goose*. У русских господствует представление о «глупой курице» – *глуна как курица*, в удмуртском языке – о «глупой вороне» – *куака кадь визьтэм*.

В качестве близких стереотипов-образов в рассматриваемых культурах выступают зоонимы «лошадь/конь» и «бык»: рус. *здоров как бык/вол, конь*; удм. *сюдэм ош кадь* (как откормленный бык); англ. *as strong as a horse/ox*. Лошадь в западной культуре выступает символом животной жизненной силы, скорости и красоты. Бык подобно лошади символизирует мощь и власть, это многозначный символ божественности, царственности, стихийных сил природы. Еще в раннем пещерном искусстве бык – второй после лошади образ, применяемый для обозначения жизненной энергии. На пространстве от Северной Европы до Индии бык был эмблемой божественного могущества [9].

Различия в ассоциативных полях становятся причиной отсутствия эквивалентных устойчивых сравнений в разных языках: переносимый признак не ассоциируется в определенной национальной языковой картине мира с данным животным, причем, как и с любым другим представителем фауны, и не может выступать в качестве основания сравнения. Например, англ. *as nervous as a cat, as sick as a dog*, удм. *куака кадь абдраны* (удивиться как ворона), *карзэ ыштэм Зольгыри кадь тирсэкъяське* (снует как воробей, потерявший гнездо), *кыскем коньы кадь* (как белка с содранной шкурой «об исхудавшем человеке»), не вызывают сходных ассоциаций в русском языке.

Компаративные обороты в рассматриваемых языках могут содержать одинаковые зоонимы, однако при этом наблюдается различие, как в самих эталонах-образах, так и в основаниях сравнения. Например, клещ в английском языке выступает эталоном сытости – *as full/tight as a tick*, а в русском языке эталоном навязчивости или тунеядства – *впился/присосался как клещ*. Соответственно в первом случае основанием сравнения выступает состояние, а во втором – способ существования и поведение.

При изучении иностранного языка носители одной культуры могут интерпретировать устойчивый оборот исходя из своего культурного опыта, находя в сравнении признак, который исходной культурой в нем не заложен. Сравнение *as a hog on ice* связано в русскоязычном сознании скорее с таким качеством как неуклюжесть, по аналогии с русским компаративом *как корова на льду*, в то время как значении английской конструкции – «наглость». Устойчивое выражение *as crooked as a dog's hind leg* вызывает представление о внешних особенностях, тогда как в языке оригинала выражение означает «бесчестный человек».

В рассматриваемых языках наблюдается синонимия компаративов, содержащих зоонимы, т. е. один и тот же эталон ассоциируется с разными животными, поскольку с точки зрения носителя определенной культуры всем этим животным свойственно некоторое одинаковое качество. Выбор компаратива зависит от индивидуальных предпочтений человека, личного языкового и практического опыта, конкретных коммуникативных условий. Например, выбор синонима из группы русских компаративов *проворный*

как обезьяна/кошка/хорек/ящерица может зависеть от того, какая деятельность осуществляется субъектом сравнения, каков его возраст, пол и т. п. В удмуртском языке встречаются такие синонимичные компаративные конструкции как *кион кадь ужаны* (работать как волк)/*вал кадь ужа* (работает как лошадь), *шбкыч кадь кескич* (хитер как шершень)/*Жичи кадь кескич* (хитер как лиса), в английском – *as crazy as a bedbug/as crazy as a jay bird*. В свою очередь один и тот же зооним способен отражать разные этнические эталоны в одном языке, что связано с восприятием любого объекта как сложного и многостороннего: рус. *петлять как заяц/дрожать как заяц*; удм. *скал кадь ветлыны* (ходить как корова «спотыкаяясь»)/*скал кадь сиськыны* (есть как корова «много»); англ. *as pleased as a dog with two tails/as sick as a dog*.

В целом основные структурные разряды и тематические группы зоологических сравнений, характеризующих человека, в русском, удмуртском и английском языках совпадают, что во многом обусловлено универсальностью восприятия его внешности, поведения и характера. Различия наблюдаются, главным образом, в количественном наполнении тематических групп. Универсальные черты, выявленные в образных основаниях устойчивых сравнений разных языков, объясняются сходными условиями проживания (природная среда, климат), быта, общими законами развития общества, а различия – национально обусловленными стереотипными представлениями, зависящими от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива. Компаративные единицы служат свидетельством того, как осуществляется познание и оценивание действительности в устойчивых образах, совокупность которых позволяет судить о национальной языковой картине мира и особенностях ее формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской литературы», 1999, I–XV. – 896 с.
2. Золотых, Л. Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики / Л. Г. Золотых // Известия ВГПУ. Новое в науке о языке, 2006. – С. 15–20.
3. Иванцова, Е. В. Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности / Е. В. Иванцова, Т. Ф. Волкова // Вестник Том. гос. ун-та. – Томск, 1999. – Т. 268. – С. 89–93. – Электронный ресурс. Режим доступа : www.Ds.tsu.ru/webdesign
4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
5. Королева, Е. Е. Компаративные образы в идиолекте / Е. Е. Королева // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа : традиции и современность : Труды и материалы : В 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 155–157.
6. Первушина, О. В. «Культурная картина мира» и «жизненный мир» в феноменологии Э. Гуссерля / О. В. Первушина. – Мир науки, культуры, образования, № 2 (14). – 2009. – С. 118–122.